

твердую рукой, как щупают овцу или козу на рынке». Хороши у Бхатты переходы от традиционных словосочетаний к разговорной речи простолюдина.

С призывом нести в народ просвещение и разум обращается к своим собратям по перу даже Мадхавпраasad Гхимире, сугубый романтик и пейзажный лирик, использующий в своих стихах ритмы, навеянные традиционной санскритской поэзией (в отличие от многих непальских поэтов, в частности от Бетхита с его широким экспериментированием).

Его стихи «Павшему герою» звучат как гимн народному заступнику, зовут продолжить священное дело. В стихотворении «Юноше» это высказано старым поэтом с еще большей откровенностью:

Юноша! Сиянье солнца озарило гребни гор.
Пусть нальются силой руки,
заблестит надеждой взор.
Подыми копьем луч света
высоко над головой
И за счастье человека
выходи отважно в бой!

Скончавшемуся четыре года назад Лакшмипрасад Девкоте было посмертно присвоено звание «великого поэта» Непала. Девкота очень популярный писатель в стране. И популярности его содействует народность стиха, выдержанного в духе «джхьяуре» — народных песен. Вера в силу «смертного» человека — такова поэтическая философия Девкоте: «Человек, добро творщий, — вот он, высший в мире бог!»

Привлекают внимание стихи Харши Дхаубхадея «Мой канцелярский стол», где с неподдельной искренностью передана любовь стихотворца к своему труду.

Как поэт и прозаик известен в Непале Бхавани Бхикчу. В сборнике читатель найдет всего одно его стихотворение. Но и оно с достаточной убедительностью характери-

зует Бхикчу как поэта, умеющего взволновать человеческое сердце стихом страстным и мудрым.

Шьямдас Вайшнав не страшится смерти — «все умирают, это так обычно». Но ранит его душу горе бедняка, за которого некому заступиться. Поэт осуждает пустых болтунов-либералов. Он старается «себя переделать» и не поддаваться на льстивые речи равнодушных к народу людей.

Переключаясь с Вайшnavом, саркастически высмеивает наглых снобов, которые и думать не желают о народе, Виджай Бахадур Малла:

Сунув руку важно в свой карман,
Входит он в кафе и в ресторан,
На лице улыбку носит он,
Как часы, как робот заведен.
Для него нет никаких проблем,
Он к людским тревогам глух и нем...

Полны народной мудрости и народного юмора стихи старейшего поэта Непала Лекхнатха Паудьялая, выполненные рукою прекрасного стилиста.

«Непальским Шекспиром» называют на родине Балкришну Саму: он по преимуществу драматург. Но и стихи его читают и знают. Сын его, Джанардан Сама, — чьи произведения также помещены в сборнике, — кроме поэтического дара, наделен еще и талантом музыканта. Он сам поет свои стихи. Афористичны стихи Бхупи Шерчана. Это ему принадлежат строки: «Ночью нас кусают блохи, днем кусают цены».

Поэзия Непала в русском переводе удивит нашего читателя дерзостью мысли и образа, откроет тайны сочетания обыденности и простоты с высокими традициями старинной поэзии Востока. И в этом немалая заслуга поэта Павла Железнова, который сумел передать драгоценные черты поэзии непальского народа.

А. ТВЕРСКОЙ

У КОЛЕСА ЛОТЕРЕИ

Когда измученная лошадь не может больше бежать, безжалостный хозяин приманивает перед ее глазами пучок сена, и, спотыкаясь, она переходит на рысь. Надежда на удачу, на счастливый случай — вот тот пучок сена, который всю жизнь подгоняет рядового американца, взывая к его энергии, неутомимости, оптимизму. «Покупайте билеты нашей лотереи!» — твердят газеты, киноэкраны, церковные проповедники. И каждый испытывает судьбу. О тех, кто вытаскил пустой билет, о судороге существования маленького человека, вся жизнь которого проходит в ожидании чуда, рассказывает Джон Чивер в сборнике «Исполненное радио».

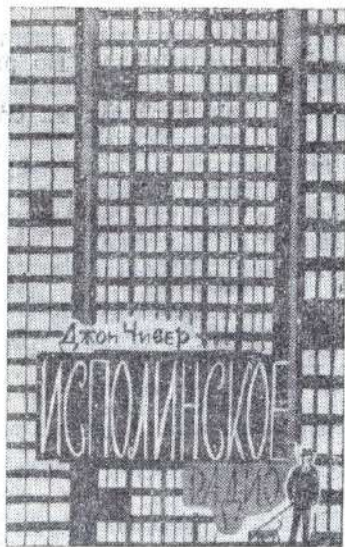
«Город разбитых надежд» — так называется рассказ о простодушном шофере из Уэнтурта, Бросив работу, провинциал при-

ехал в Нью-Йорк — обещали поставить его киносценарий. Но все, с кем ему приходится столкнуться, рассматривают его лишь как свою добычу. И, не успев разбогатеть, он становится банкротом.

Всю жизнь Ральф Уитмор (из рассказа «Клад»), работая на скромной должности в фирме, совершал чудеса предприимчивости: изобретал пластмассовые супинаторы или звукопроницаемые жалюзи, возился с проектом плантации рождественских елок под Нью-Йорком. Всю жизнь он «свято верил в романтику и волшебство бизнеса» и стоял на пороге благоденствия, но оно так и не пришло.

История супругов Маккензи в рассказе «Дети» — это тоже цепь несбывшихся надежд. Миллионер Хазерли решил осчастливить Виктора Маккензи — сделать наслед-

СПЕЦИАЛ



Джон Чивер. Исполинское радио. Перевод с английского Т. Литвиновой. Редакция и предисловие Корнея Чуковского. Москва, Издательство иностранной литературы, 1962. 189 стр.

ником фирмы, но пока что использует его для мелких поручений. И умирает, не оставив завещания. Наступают трудные времена. Виктор с позором изгнан из семьи и фирмы босса. И вот супруги Маккензи влачат унижительное существование полумажордома-полусекретаря и полукомпаньонки-полукамеристки у богатых и капризных

хозяев, а в конце концов становятся просто приживальщиками одиноких скучающих стариков...

Призвание, творчество, любимое дело — все эти понятия не для героев Чивера. В стране, где имя Дж. П. Моргана более почетно, чем имя Марка Твена, важно совсем другое: квартира в более respectable районе, новый холодильник, телевизор, на худой конец «несколько белых рубашек». Пафос потребления — единственный двигатель жизни. И так как в лотерее выигрывают редкие счастливые, в удел большинству остается душевная опустошенность и озлобленность. Рассказ «Исполинское радио», в котором раскрывается неприглядная изнанка жизни обитателей многоэтажного дома, завершает картину, нарисованную Джоном Чивером.

Стиль Чивера лаконичный и суховатый. Эта, казалось бы, внешне бесстрастная манера заставляет еще острее почувствовать лихорадочную атмосферу Нью-Йорка. Мастер тонких деталей, писатель никогда не щеголяет внешней наблюдательностью, изощренностью глаза. Каждая подробность работает на раскрытие содержания, и короткие, в сущности, рассказы приобретают большую емкость и глубину.

Читателя, взявшего в руки книгу, ждет приятная неожиданность: рассказам Джона Чивера предпослано предисловие, написанное на редкость увлекательно и живо. Корней Иванович Чуковский с присущей ему тонкостью дает глубокий анализ художественной манеры американского писателя, впервые изданного у нас в стране.

С большим пониманием индивидуальности Чивера перевела рассказы Т. Литвинова. Книгу закрываешь с благодарностью к переводчику.

К. АТАРОВА

С ЛЮБОВЬЮ К ЧЕЛОВЕКУ

Передо мной две небольшие книжки современных индийских писателей. Прочитаны последние страницы, а волнение, возникшее при знакомстве с героями книг, по-прежнему сильно. Что же так захватило меня? Может быть, острые, занимательные сюжеты рассказов или удивительная по красоте природа Индии? Нет, волнует прежде всего жизнь героев, тяжелая, в безыходной нищете и отчаянии.

«Сам не свой, учитель стоял посреди комнаты, а перед ним на полу, на старой циновке, лежала его жена. Она умирала». Так начинается один из рассказов Ниргуна «Сорок рупий», который, как и большинство произведений этого писателя, вошедших в сборник, создан до освобождения Индии от

колониальной зависимости. В центре рассказа — простая, в сущности, история жизни городского учителя. Автор не дал ему имени — это один из многих индийских тружеников. Герой рассказа рано познал нужду и лишения. После долгих мытарств он стал учителем и с большим трудом устроился на работу. Женится на девушке из бедной семьи, потом она умерла, оставив ему шестилетнего сына. И вот каждое утро учитель забирает с собой сына в школу, а вечером они молча возвращаются домой.

Так шла его жизнь день за днем. Сорока рупий, которые он зарабатывал, хватало лишь на то, чтобы сводить концы с концами. Учитель не роптал на свою судьбу, ибо видел вокруг бедняков, живущих намного хуже. И все же временами он стал задумываться: почему для одних — магазины с сияющими витринами, парки, театры, а у него, учителя, нет даже монеты, чтобы купить сыну билет в цирк? Порой его охватывает